

Лекции

Долгая дорога домой: новые тенденции в исследованиях психологии домашней среды*

С. К. Нартова-Бочавер

В статье очерчиваются перспективы исследований домашней среды, проводимых в течение последних лет; аргументируется важность этой области познания для развития фундаментальной психологии и философии, а также для решения прикладных задач. Отмечены четыре тенденции: от образа дома к привязанности к дому, от влияния среды к взаимодействию со средой, от ресурсности для адаптации к ресурсности для развития, от ослабления тревожности к усилению настойчивости. Делается вывод о возможности учета этих тенденций в силу их высокой эвристичности в исследованиях других жизненных сред человека.

Ключевые слова: домашняя среда, привязанность к дому, взаимодействие человека и среды, ресурс, адаптация, развитие.

На протяжении нескольких последних лет изучение домашней среды было доминантой профессиональной жизни автора. В силу большого личного везения на единомышленников нами был собран богатый материал, стимулирующий развитие психологии жизненной среды как науки, до сих пор остающейся незаслуженно обойденной вниманием ученых в России и развиваемой лишь в нескольких научных центрах. Исследование домашней среды вызывало неизменный интерес не только у коллег, но даже среди участников опросов. Сейчас

* Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 14-18-02163.

можно констатировать, что создана отдельная область знания — психология домашней среды. Методология и теория постоянно обновляются, и удивительным образом оказывается, что, если использовать другую мощную метафору — дерево, то исследование дома не только дает новые побеги, но также пускает корни вглубь времен и притягивает давно известные идеи и теории, которые хорошо встраиваются в исследование домашней среды.

Психология домашней среды только на первый взгляд кажется прикладной областью науки, важной для разработки человеко-соразмерного дизайна. В действительности она поднимает вопросы очень высокого уровня обобщения, существенные не только для психологии, но и для философии научного познания вообще, например, о том, в какой степени индивидуальное бытие задается условиями жизни; что важнее — объективная среда или ее образ, в свою очередь, обусловленный свойствами личности; насколько рациональны предпочтения домашней среды. Полученные ответы важны не только применительно к психологии дома, они существенны для понимания отношений человека и мира вообще, связи эйкоса, эйдоса и логоса (Нартова-Бочавер, 2009). М. Хайдеггер совершенно справедливо отмечал, что бытие — это всегда бытие-в-мире, это персонализация мира и одновременно формирование стиля мышления: being → building → dwelling → thinking (Heidegger, 1971). Таким образом, можно предположить, что психология домашней среды только начала раскрывать свою ресурсность для психологии и философии личности.

Остановимся на тех тенденциях в области психологии домашней среды, которые обнаружили себя совсем недавно.

Образ дома → привязанность к дому

В начале цикла исследований мы опирались на идеи экологической психологии, предложенные Дж. Гибсоном, среди которых наиболее важной была мысль о том, что живое существо, в том числе и человек, не создает свойства окружающего мира, а выбирает их, и эта селективность обусловлена состоянием его потребностей (Gibson, 1986). Так, прижилось понятие допущений, или возможностей (affordances), — отношений между способностью субъекта воспринимать и действовать и характеристиками среды (Chemero, 2003). Понятие допущений связывает субъекта с его средой, оно расположено между глубоко личностным «хочу» и объективным «наличествует». Двигаясь по линии связи субъекта и его среды, мы можем удаляться от человека, и тогда более выпуклыми становятся измеряемые характеристики,

и встает вопрос — что в этом доме есть? Что он включает и содержит? Каков его метраж, объем, сколько в нем этажей? Все это нужно знать для экспертизы домашних сред, которые могут быть универсальными (куда можно поместить разных людей), специфичными (подходящими многим) или вообще недопустимыми, куда нельзя поселить никого. Двигаясь в другом направлении, мы приближаемся к субъекту, тому человеку, инструментом удовлетворения потребностей которого должен стать данный дом, и тогда мы можем отвлечься от собственно дома и задуматься о его потребностях вообще, о его личности в разных сферах ее отражения.

Следуя этой логике, мы обосновали два уровня изучения дома — функциональность и релевантность (Нартова-Бочавер и др., 2016). Функциональность — это описание и оценка «технологических» функций дома — его прагматичности, представленной базовыми функциями дома, способности стимулировать развитие личности обитателей, его стабильности и пригодности для защиты от природных бедствий и социальных невзгод.

Релевантность дома показывает степень его соответствия личности обитателей, что выражается в способности обеспечивать приватность повседневной жизни, быть ресурсом психологической поддержки, возможности представлять индивидуальность обитателя другим людям, наличие удобства и комфорта, гибкости и динамичности в случае необходимости быстро изменить дизайн, связи с историей жизни обитателей и его семьи. Кроме того, поскольку ни один дом не может подчиняться своим обитателям абсолютно, мы ввели меру неудобства и непослушания дома, что было обозначено как отчужденность дома.

Функциональность и релевантность дома вместе составляют образ дома и хорошо рефлексированы, особенно в условиях подсказок в виде опросников. Было выделено несколько образов дома — реальный и идеальный; архетипический, повседневный, динамический, желаемый.

Однако есть ли в доме нечто такое, что может не осознаваться? Продолжая линию средовых исследований, направленную на изучение привязанности к месту, мы предположили, что дом — это объект очень сильной валентности, как сказал бы Курт Левин. Дом — это аттрактор; он привязывает к себе обитателей, предлагая и обеспечивая удовлетворение практически всего спектра их потребностей, способствуя развитию их идентичности. Привязанность к дому стала исследоваться как третья составляющая в психологической модели дома, наиболее интимная и наименее рациональная. Привязан-

занность к дому — это устойчивое позитивное отношение, в силу которого человек стремится находиться дома, обустраивать и укреплять его и возвращаться туда из других мест (Резниченко и др., 2016; Williams, Vaske, 2003). В работах С. И. Резниченко показано, что люди привязываются не только к удобному и комфортному дому. Если в женской группе, по определению, больше времени проводящей в рутинных практиках совершенствования дома, функциональность и привязанность связаны, то в мужской этой зависимости не обнаружено: дом — это состояние души. И важен не менее, чем сама душа, однако переживание его ценности мало зависит от степени комфорта и уюта. Обнаружено также, что привязанность к дому наиболее существенна для позитивного самоощущения подростков (у которых, впрочем, привязанность слабее, чем у людей другого возраста) и пожилых людей, в зрелом же возрасте люди могут находить иные ресурсы, обычно вне дома.

Более того, если силу привязанности к дому не всегда можно объяснить рационально, то желание покинуть дом еще менее рационально и основано на очень эфемерных смыслах, переживаниях и аффектах. Таким образом, нужно делать дом уютным, чтобы люди хотели в нем находиться, а семейную атмосферу — деликатной, чтобы им не хотелось из дома бежать.

Привязанность к дому показала свою комплементарную роль по отношению к образу дома. Можно предположить, что, какую бы среду обитания человека мы ни изучали, вклад ее образа и привязанности к ней в основные параметры человеческого бытия будет различаться.

Влияние среды → взаимодействие со средой

Следующая важнейшая коллизия, которая возникла в ходе изучения домашней среды, связана с идеей энвайронментализма в целом. И среда, и ситуация как момент развития среды влияют на человеческую личность: исследования показывают, что весьма разнообразные аспекты образа дома или привязанность к нему благоприятны для человека. Обнаружено, что позитивный образ дома предсказывал психологическое благополучие у психиатрических пациентов, в частности, уровень дистресса, направление динамики болезни и адаптированность (Wright, Bret, 2007). Наконец, дом играет большую роль в развитии идентичности, смысла жизни и помогает адаптироваться к жизненным переменам: «Показано, что дом, личные принадлежности и другие объекты не только выражают личность... но также помогают ее создавать» (Mazumdar, Mazumdar, 2009, p. 257).

Иначе говоря, дом вносит вклад в нормальное функционирование обитателей.

В начале наших исследований в статистическом анализе мы всегда рассматривали параметры домашней среды как независимую переменную, а качества личности и ее функционирования – как зависимые. Было обнаружено, что в условиях дружественной домашней среды люди лучше выстраивают личностные границы (суверенность), что домашняя среда понижает уровень симптоматической депрессии и повышает самооценку и жизнестойкость у здоровых респондентов различного возраста (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Поскольку основным методом анализа был подсчет регрессий, то в назначении зависимой и независимой переменной, в отсутствие ранее проводимых исследований, посвященных психологии дома, мы руководствовались в основном антропологическими данными и здравым смыслом. Однако по мере развития Трехкомпонентной теории взаимодействия человека и его домашней среды мы стали чаще обращаться к концепциям, объясняющим, как происходит, что дом и личность обитателей подходят друг другу, и рассматривающим взаимодействие человека и его сред как циркулярное. Гуссерль (2004) был одним из первых философов, кто отметил неразрывную связь между человеком и местом, где он живет. Вслед за ним Хайдеггер (1971) также отмечал, что независимо от того, сколько времени человек проводит дома, «обитание» (dwelling) – это не только рутинные действия, осуществляемые дома, но способ его существования в мире. Современные последователи феноменологического метода также полагают, что происхождение личности укоренено в опыте невербального «бытия дома» в детстве; во взрослом возрасте содержание индивидуальности также остается неразрывно связанным с местом, пространством и средовыми объектами, которые окружают человека (Case, 1996; Korosec-Serfaty, 1985).

В настоящее время существует несколько интересных теорий, которые акцентируют подобие человека и его жизненных сред. Так, Теория соответствия человека и среды (Person-environment Fit Theory) исследует, насколько характеристики среды подходят индивидууму (Edwards et al., 1998). Теория поведенческих следов (Theory of Behavioral Residues) изучает повседневные проявления личности посредством используемых человеком способов персонализации среды (Gosling et al., 2002). Теория ядерного аффекта (Core Affect Theory) показывает, как аффекты и оценки влияют друг на друга в повседневной жизни (Russel, 2003). Можно также упомянуть в этом ряду Тео-

рию развития привязанности к месту (Developmental Theory of Place Attachment), которая отмечает, что позитивное отношение к месту возникает одновременно с позитивным отношением к людям, которые там находятся (Morgan, 2010). Наконец, мы можем вспомнить работу социального антрополога Т. Инголда, который отмечает, что человек и его дом находятся в реципрокных отношениях: воспринимая влияния своего дома, человек отвечает на них, изменяя дом в нужном ему направлении (Ingold, 2002). Нельзя понять, что происходит раньше или позже, дом определяет личность человека или человек строит дом в соответствии с его образом, однако в результате люди получают или «зарабатывают» те дома, которые, безусловно, отражают их индивидуальность.

Взаимное влияние дома и личности мы изучали эмпирически в двух исследованиях. Первое было посвящено связи дружественности дома и моральных мотивов обитателей (Nartova-Vochaver, Kuznetsova, 2018). Было обнаружено, что не только позитивный образ дома способствует выраженности моральных мотивов, но верно и обратное: чем сильнее моральные мотивы личности, тем с большей вероятностью у человека формируется позитивный образ собственного дома как части мира, причем количество взаимно направленных связей примерно одинаково. Таким образом, не только дом «возвышает и облагораживает» человека, но изначально нравственный человек лучше относится к своему дому.

Другое исследование было направлено на связь привязанности к дому и привязанности к семье. В самом деле, с чего начинается верность семье? Очевидно, что люди, ценящие родство, больше времени проводят вместе за повседневными занятиями и домашними ритуалами, в силу чего можно ожидать, что они будут больше любить свой дом. Однако возможно и обратное: чем больше люди вкладываются в обустройство дома, тем более сплоченной становится семья. В нашем исследовании показано, что позитивный образ семьи представляет собой предиктор привязанности к дому, а также позитивного образа дома — его функциональности и релевантности (Nartova-Vochaver et al., 2018). В свою очередь, привязанность к дому и позитивный образ дома вносят вклад в укрепление привязанности к семье. Таким образом, домашняя среда действительно выступает иногда как предиктор отношения человека к миру, иногда как эффект этого отношения; невозможно установить первичность этих влияний, однако можно заключить, что они взаимны и синергетичны (позитивное отношение к дому связано с позитивным отношением к людям, в том числе членам своей семьи).

Ресурс адаптации → ресурс развития

Еще одна новая линия исследований была связана с отходом от адаптивной функции дома в сторону стимулирующей, развивающей функции. На протяжении первых лет исследований научный коллектив, возглавляемый автором, прикладывал много усилий к тому, чтобы доказать адаптивную функцию дома. Если рассматривать в качестве показателей адаптированности разные параметры психологического благополучия, то эту задачу можно считать выполненной, поскольку на разных выборках было показано, что, как и предполагалось, если люди воспринимают свой дома в качестве дружественного места, подходящего им и безопасного для них, их самооценка оказывается выше, все измеренные признаки симптоматической депрессии (позитивные переживания, отсутствие печали, межличностных проблем и соматизации тревоги) выражены слабее, общий уровень благополучия выше, а также выше показатель жизнестойкости (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Дом (и даже его временный заместитель, общежитие) помогают студентам-первокурсникам, особенно женского пола, легче переживать кризис адаптации к университету. Так, было показано (Xu et al., 2015), что привязанность к дому вносит вклад в развитие самооценки личности, позитивных отношений с другими, академических успехов, а также способна предотвратить различные психологические проблемы.

Однако все зависимые переменные, которые изучались ранее (за исключением уже упомянутого исследования связи дружественного дома с моральными мотивами обитателей), имели содержание, внеположное нравственной оценке. В самом деле, мы ничего не можем сказать о моральном содержании личности человека, свободного от тревог, сомнений и болезни. Но можно ли что-то сказать о стимулирующей и развивающей функции дома? Есть ли связь с «высшими» мотивами и качествами личности? И почему мы можем ожидать существование таких связей?

Для ответа на последний вопрос обратимся к социологии. Согласно мнению Г. Зиммеля, в существовании общества фундаментальную роль играют так называемые «формы второго порядка», к которым он относил просоциальные эмоции, подобные верности и благодарности (Зиммель, 1999). В современной психологии личности их чаще называют добродетелями (*virtues*), сильными сторонами личности (*strength*) или относят к так называемым эмоциональным чертам (Wood et al., 2010). Эти эмоции зависят от материальных

условий жизни человека (в нашем случае — дома) и в то же время способствуют улучшению этих условий.

Такие связи были обнаружены. Исследуя связь дружественной домашней среды с моральными чертами личности — верой в справедливый мир и чувствительностью к справедливости, способностью прощать и благодарностью, — мы получили очень обнадеживающие результаты. Так, оказалось, что дружественный дом способствует восприятию человеком мира как справедливого по отношению к нему, а также вообще как безопасного места, где каждый получает то, что заслужил (Nartova-Bochaver et al., 2018). Более того, дружественный дом связан и с чувствительностью к справедливости, иначе говоря, люди, живущие в надежном доме, склонны испытывать заслуженный гнев, когда ущемляют их права или если они наблюдают нарушения справедливости, и переживать чувство вины в тех случаях, когда сами нарушают права других людей (Адамян и др., 2018).

Другие пока не опубликованные данные свидетельствуют о том, что обитатели дружественного дома с бо льшей вероятностью склонны испытывать чувство прощения — прощать прегрешения себе и другим людям, а также прощать судьбу за те неприятные и несправедливые испытания, которые она приносит людям (Rye et al., 2001; Thompson et al., 2002).

Наконец были получены положительные связи разных параметров дружественного дома с проявлением благодарности как черты личности, а именно переживанием благоговения перед тем нерукотворным великим, что существует в мире, с ритуалами и практиками проявления благодарности, с осознанием своих преимуществ и везения по сравнению с другими людьми и другими моментами своей собственной жизни (Adler, Fagley, 2005). Таким образом, можно заключить, что дружественный дом не просто стабилизирует своих обитателей, но также способствует пробуждению высших моральных черт личности.

Ослабление тревожности → усиление решительности

И, наконец, мы обратились к теме связи дружественности дома и благополучия, но в новом аспекте. Полученные ранее достаточно согласованные данные показали, что надежный безопасный дом способствует понижению ситуационной повседневной тревожности в разных ее проявлениях — усиливает позитивные чувства, ослабляет негативные, ослабляет симптоматическую депрессию и укрепляет благополучие и жизнестойкость. Иначе говоря, снимает широкий спектр проявлений невротической слабости личности. Превен-

тивная роль домашней среды по отношению к неблагоприятным качествам, ее влияние на способность противостоять вызовам ранее не исследовалась.

Однако полученные в двух исследованиях данные оказались совершенно неожиданными. Прежде всего, изучая связь дружественной домашней среды с преобладающими субъектом копинг-стратегиями, М. Р. Хачатурова с соавт. обнаружила, что наряду с конструктивными стратегиями обитатели надежного дома отчетливо предпочитают также и конфронтационный копинг (Khachaturova, Nartova-Vochaver, 2017). Хотя, на первый взгляд, этот результат вызывает удивление, по зрелом размышлении он кажется достаточно понятным, если обратиться к адаптивной функции конфронтации. Конфронтация возможна, если субъект уверен в своем преимуществе и может с высокой вероятностью прогнозировать победу. В этом случае конфронтация оказывается честным копингом, свободным от двойных посылов и демонстрирующим высокую уверенность субъекта в своих силах. Если вспомнить, что дружественность дома значимо коррелировала и с самооценкой, то полученный факт уже не кажется неожиданным или неоднозначным: дом, будучи надежным тылом, сообщает своим обитателям чувство победительности, которое и проявляется в готовности к открытому противостоянию.

Еще один результат, который также демонстрирует способность дома делать своих обитателей сильнее, был получен в исследовании связи между дружественностью дома и качествами Темной триады (Московченко, 2017). Вопреки ожиданиям было обнаружено, что позитивный дом предсказывает нарциссизм и в тенденции – макиавеллизм. Иначе говоря, обитатели надежного безопасного дома более других склонны высоко себя ценить и пользоваться вниманием окружающих, а также стараться и уметь манипулировать другими людьми. Отметим, что эти качества, безусловно, далекие от добродетелей с точки зрения эволюции, весьма полезны, повышая конкурентоспособность личности и вероятность успеха.

Таким образом, мы можем заключить, что воздействие дружественного дома весьма разнообразно, неоднозначно с точки зрения социальной конформности, однако, безусловно, сопряжено с усилением адаптированности обитателей и усиления вероятности их успеха в ситуации конкуренции. Можно сказать, что дружественный дом расширяет горизонты, контакты человека с миром, снимая тревожность и невротические симптомы, наделяя силой и готовностью к открытому противостоянию, пробуждая высшие моральные качества и добродетели.

Полученные результаты должны быть перепроверены и уточнены с учетом нелинейности связей дома и личности обитателей, наиболее конструктивным видится типологическое исследование, которое включало бы в анализ начальные условия (уровень уязвимости личности), индивидуальные качества и, главное, возрастные задачи развития человека. И хотя идея реализации подобного дизайна представляется утопичной, понимание взаимодействия человека и его жизненных сред как диалога видится особенно перспективным, если ожидания субъекта рассматривать как его вопрос, а воспринимаемые среды как ответ, в свою очередь, стимулирующий постановку новых вопросов.

Литература

- Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмитт М.* Опросник «Чувствительность к справедливости»: валидизация на российской выборке // Психологический журнал, 2018 (в печати).
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Зиммель Г.* Философия денег (фрагмент) // Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С. 309–383.
- Московченко Е. Н.* Домашняя среда как источник превенции неблагоприятных качеств личности (на примере темной триады) // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сборник статей научно-практической конференции. М.: Перо, 2017. С. 381–383.
- Нартова-Бочавер С. К.* Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 482–497.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2016.
- Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б.* Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. V. 13. № 3. 498–518.
- Adler M G., Fagle N S.* Appreciation: Individual differences in finding value and meaning as a unique predictor of subjective well-being // Journal of Personality. 2005. V. 73. 79–114.
- Brosius E. C.* The dark triad of personality: a discussion of the moral and evolutionary implications // Student research, 2017. URL: <http://scholarship.depauw.edu/studentresearch/62> (дата обращения: 30.04.2018).

- Cantó-Milà N.* Gratitude – invisibly webbing society together // *Journal of classical sociology*. 2012. V. 13 № 1. P. 8–19.
- Case D.* Contributions of journeys away1 to the definition of home: an empirical study of a dialectical process // *J. Environ. Psychol.* 1996. V. 16. P. 1–15. doi: 10.1006/jevp.1996.0001
- Chemero A.* An outline of a theory of affordances // *Ecol. Psychol.* 2003. V. 15. P. 181–195. doi: 10.1207/S15326969ECO1502_5.
- Edwards J. R., Caplan R. D., Harrison R. V.* Person–environment fit theory: conceptual foundations, empirical evidence and directions for future research // C. L. Cooper (Ed.). *Theories of organizational stress*. N. Y.: Oxford University Press, 1998. P. 28–67.
- Gibson J. J.* *The ecological approach to visual perception*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.
- Gosling S. D., Ko S. J., Mannarelli T., Morris M. E.* A room with a cue: personality judgments based on offices and bedrooms // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2002. V. 82. № 3. P. 379–398. doi: 10.1037//0022-3514.82.3.379.
- Heidegger M.* *Building, dwelling, thinking* // *Poetry, language and thought*. N. Y.: Colophon Book, 1971. P. 145–161.
- Ingold T.* *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill*. N. Y.: Taylor & Francis, 2002.
- Khachaturova M. R., Nartova-Bochaver S. K.* The home environment as a resource of coping behaviour in youth // *Психология. Журнал ВШЭ*. 2017. Т. 14. № 3. С. 555–566. doi: 10.17323/1813-8918-2017-3-555-566.
- Korosec-Serfaty P.* *Experience and Use of the Dwelling* // *Home environments*. N. Y.: Plenum, 1985. P. 65–86.
- Mazumdar S., Mazumdar S.* Religion, immigration, and home making in diaspora: Hindu space in Southern California // *J. Environ. Psychol.* 2009. V. 29. № 2. P. 256–266. doi: 10.1016/j.jenvp.2008.07.004.
- Morgan P.* Towards a developmental theory of place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. V. 30. № 1. P. 11–22. doi: 10.1016/j.jenvp.2009.07.001
- Nartova-Bochaver S. K., Kuznetsova V. B.* Friendly Home and Inhabitants' Morality: Mutual Relationships // *Front. Psychol.* 2018. doi: 10.3389/fpsyg.2017.0234855-566.
- Nartova-Bochaver S. K., Donat M., Astanina N. B., Ruprich C.* Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties // *Social Justice Research*. 2018. V. 31. № 1. P. 61–84.
- Nartova-Bochaver S. K., Khachaturova M. R., Braginets E. I.* Home environment and family attitudes: how do they interrelate? // *Психология. Журнал ВШЭ*. 2018 (в печати).
- Russell J. A.* Core affect and the psychological construction of emotion // *Psychological review*. 2003. V. 110. № 1. P. 145–172.

- Rye M. S., Loiacono D. M., Folck C. D., Olszewski B. T., Heim T. A., Madia B. P. Evaluation of the psychometric properties of two forgiveness scales // *Current Psychology*. 2001. V. 20. № 3. P. 260–277.
- Thompson L. Y., Snyder C. R., Hoffman L., Michael S. T., Rasmussen H. N., Billings L. S., Roberts D. E. Dispositional Forgiveness of Self, Others, and Situations // *Journal of Personality*. 2005. V. 73. № 2. P. 313–360.
- Williams D. R., Vaske J. J. The measurement of place attachment: Validity and generalizability of a psychometric approach // *Forest science*. 2003. V. 49. № 6. P. 830–840.
- Wood A. M., Froh J. J., Geraghty A. W. Gratitude and well-being: A review and theoretical integration // *Clinical psychology review*. 2010. V. 30. № 7. P. 890–905.
- Wright P. A., Bret K. Housing environment and mental health outcomes: A levels of analysis perspective // *J. Environ. Psychol.* 2007. V. 27. P. 79–89. doi: 10.1016/j.jenvp.2006.12.001
- Xu M., de Bakke M., Strijke D., Wu H. Effects of distance from home to campus on undergraduate place attachment and university experience in China // *J. Environ. Psychol.* 2015. V. 43. P. 95–104. doi: 10.1016/j.jenvp.2015.05.013.

**Социальные сети и их возможности
для сбора поведенческих и психологических данных:
«за» и «против», этические вопросы
и примеры исследований**

Я. А. Ледовая

В статье рассматриваются созданные за последние 15 лет благодаря социальным сетям возможности для исследования онлайн-поведения людей из самых разных групп и выборок. Приводится статистика вовлеченности в использование социальных сетей. Описываются преимущества и потенциальные недостатки исследований, в которых анализируются так называемые «цифровые следы» личности. Рассмотрены этические аспекты сбора таких данных на примере случая компании «Cambridge Analytica». С критических позиций осмыслен текущий новостной дискурс и некорректно подающиеся для потребителей основных СМИ результаты расследования данного случая. Также приведены примеры исследований «цифровых следов», ведущихся в России, и описаны некоторые результаты проекта СПбГУ «Стресс, здоровье и психологическое благополучие в социальных сетях: кросс-культурное исследование», касающиеся лингвистических коррелятов черт «Темной триады» — нарциссизма, макиавеллизма, неклинической психопатии.